

## Слава Бродский

### New York, Blackout 2003

Нью-Йорк погрузился во мрак и хаос – так или почти так охарактеризовали многие российские газеты наступление темноты 14 августа 2003 года в Нью-Йорке. Конечно, те, которые готовили материалы для своих газет, такой информации про хаос не имели. Просто они по-другому и представить себе не могли, как будут развиваться события ночью без электричества в большом многомиллионном городе со всеми его магазинами, витринами, денежными автоматами, которые практически не охранялись в ту ночь и потому были совсем беззащитны.

Предваряя свой рассказ о событиях этих дней, который, конечно же, будет довольно субъективным, скажу только, что одно мне кажется несомненным: поторопились ребята из русских газет про хаос объявить. Да и это их слово мрак мне тоже не очень-то понравилось. Нет, конечно, темно было. Было темно в Нью-Йорке в ночь с четверга на пятницу. Но все-таки слово «мрак» к данному случаю как-то не лепится. Не соответствует ситуации. «Мрак», знаете, говорят немного в других случаях. Сейчас, правда, вот прямо так, сразу, я примера подходящего не могу найти. Если только потом что-то подвернется, тогда я обязательно к этому моменту вернусь.

Так что же случилось четырнадцатого августа? Как выглядел Нью-Йорк в этот и следующие несколько дней? Что делали жители столицы мира? Как справились они с чрезвычайной ситуацией, в которой

оказался их город - «the supreme laboratory of modern life»?

Я не знаю точно, что случилось. Пусть об этом говорят специалисты. Но то, что беда стала распространяться по принципу падающего домино, это представляется несомненным для всех. Вот только были разные мнения относительно того, как это все началось. Было ли это технической проблемой или злонамеренной акцией. У нас на работе, правда, никто не подозревал террористов даже с самого начала. И оно понятно почему: деньги сейчас на борьбу с ними тратятся громадные. Поэтому не только об усилении их деятельности, но даже о поддержании ее на прежнем уровне не может быть и речи. Главная задача террористов сейчас - это просто уцелеть. На это идут все их деньги и прочее. А поскольку в этой войне денег им с Америкой не совладать, то результат представляется довольно очевидным. Конечно, никто не будет продолжать вкладывать огромные суммы в эту войну до бесконечности. Никто не будет бороться с терроризмом, если вред, который он будет причинять, окажется меньше, чем, скажем, от кирпичей, которые иногда с крыш домов падают на головы. Но даже и в этом случае всегда найдутся люди, которые будут подозревать террористов всякий раз, даже если всего лишь лампочка какая-то там перегорит.

Мы часто приписываем отдельным явлениям большую опасность, чем эти явления представляют собой на самом деле только потому, что они находятся на поверхности общественного внимания. От кого-то я слышал недавно, что многие, когда едут в аэропорт, начинают переживать, как бы что не случилось в

полете, не подозревая при этом, что вероятность погибнуть по дороге в аэропорт гораздо больше вероятности авиакатастрофы.

Но, повторяю, у нас про террористов никто в четверг и не думал. В самом начале пятого в нашем здании на Парк Авеню погас основной свет и зажглось батарейное освещение. Все подходят к окнам и смотрят в сторону нижнего Манхеттена. Проходит несколько минут. Ничего на телеэкранах. Ничего на мониторах Блумберга. Наконец по внутреннему радио сообщают: свет не горит во всем Нью-Йорке. И минутами позднее – погасли Мичиган, Канада и все наше побережье вплоть до Бостона.

Прошло полчаса, но никто почему-то домой не идет. По внутреннему радио объявляют, что проблема не специфическая для здания, поэтому нет оснований покидать его в срочном порядке. И тут все, как по команде, поднялись и потянулись к выходу. Вышли на лестницу. Когда у нас тренировка была, так все спускались по этой лестнице с шутками и прибаутками. И я про себя тогда подумал, а как, интересно, мы будем себя вести, если все будет взаправду. И вы знаете, и взаправду народ с шутками шел, спокойно. С остановками, правда, шли. Все-таки с 38 этажа спускались.

В более современных, чем наше, зданиях народ вообще практически ничего не почувствовал. Работало все. Не только компьютеры, но и кондиционеры, и лифты. Помните, новое здание Bear Stearns строили. Года два, наверное, строили. Так вот оказывается, хорошо построили. Говорят, там запас горючего для

генераторов, которые поддерживают абсолютно все, на несколько недель.

Наконец мы спустились вниз и вышли на Парк Авеню. Все пошли в разные стороны. Нас было трое, решивших переправляться в Нью-Джерси на Ferry. И мы двинулись к Гудзону.

По-видимому, все покинули свои здания практически одновременно. Народ заполнил все улицы. Светофоры не работали и, как и ожидалось, их регулировали добровольцы. В тех местах, где таковые не нашлись, пешеходы уступали дорогу машинам, а машины - пешеходам. Продавцы всевозможных лавочек раздавали прохожим мороженое. Фонарики и батарейки шли нарасхват. По радио из чьей-то машины шел репортаж о том, что владельцы магазинов, несмотря на необычный спрос, цену ни на что не повышают.

Один мой приятель заметил, что никакого геройства в этом нет. Наоборот, мол, если бы кто-то продавал фонарики втридорога, вот тогда это было бы чуть ли не преступлением. А я так думаю, что никакого преступления в этом не было бы. Особенно, если принять во внимание, что непосредственной угрозы для жизни вроде бы не наблюдалось. А если еще вспомнить, насколько те, кто продавали фонарики, зарабатывают меньше, чем те, которые эти фонарики покупали, то тогда уже представляется совсем нормальным, если с тебя берут лишние десять долларов за фонарик, раз уж так получилось, что он таким спросом пользуется. А уж если нам фонарики продавали по обычной цене, то мы, конечно, должны за это хотя бы сказать спасибо.

Мы подошли к причалам Ferry. Это было как раз то самое место, которое потом по телевизору в новостях показывали все время. Да, конечно, народу там собралось жуть какое количество. И мы поначалу в эту толпу затесались. Было очень жарко, и наш энтузиазм падал с каждой минутой. В конце концов мы поняли, что на лодку мы до ночи не попадем, вышли из толпы и решили пойти к тоннелям.

Через десять минут мы около Lincoln Tunnel. Народ стоит с поднятыми руками. Поднимаю руку и я. Останавливается машина, и нас спрашивают, куда нам. На другой берег Гудзона, - отвечаем. Через несколько минут мы в Нью-Джерси. Вышли из машины, поблагодарили. Идем пешком. Уже рук не поднимаем, но машины все равно останавливаются. Не надо ли, мол, куда подвезти. Еще пять минут - и мы в Paine Webber. А там мои друзья-соседи работают. Уже ждут нас и готовы развезти куда кому надо.

В семь вечера я уже был дома. Свет горит, все в порядке. Только будильник один, который без батарейки, моргает. Значит, перебой был все-таки.

Что принес с собой следующий день? Утром узнаю, что все наши компьютеры в Нью-Йорке все еще работают от батарей. Я поехал в наш филиал в Нью-Джерси. Ну, после одиннадцатого сентября живучесть повысилась у всех сильно. Все фирмы рассредоточились: часть в Манхеттене, часть в Нью-Джерси, часть в Коннектикуте. Пойди теперь разбомби. Приехал я в Джерси-сити. Пробыл там недолго и уехал домой. И уже всю оставшуюся часть дня работал из дома.

Когда я уходил с работы, то шел к своей машине по Exchange Place. А там памятник польский стоит. И я всегда думал, что надписи на нем на польском языке, поэтому никогда и не пробовал разобраться, что там написано. А тут я обходил памятник с другой стороны и увидел английские слова. Стал читать. Оказалось, что это памятник полякам, погибшим при вторжении России в Польшу. Запись эта относится к тому моменту истории, когда Германия с Россией развязали вторую мировую войну. Германия напала на Польшу. И когда польская армия отчаянно защищалась, русские ударили сзади. Два миллиона поляков пошли умирать в Сибирь. Более пятнадцати тысяч польских офицеров и лидеров польской интеллигенции были расстреляны русскими и закопаны в Катынском лесу. Впоследствии русские, конечно, свалили все это дело на немцев.

Вот это, кстати, и называется мрак. Помните, я обещал вам пример привести подходящий? Вот он, этот пример. А в Нью-Йорке был не мрак, а просто темно было. И если у кого-то создается впечатление, что я просто к словам в русской газете цепляюсь, то это совсем не так. Не в отдельных словах суть. На самом-то деле мне больше не понравилась общая тональность русских статей. Доброжелательности не было в них и в помине. А вот злорадство проглядывало очень сильно. Да и одиннадцатого сентября особой теплоты с российской стороны я как-то не ощутил. Одна моя знакомая сказала мне, что по здешнему русскому радио выступал какой-то московский не то певец, не то танцор. И он сказал, что воспринимает сентябрьские события так: вот, мол, Америка, как собачка, тьякала все, тьякала. Говорила, что самая сильная. А потом

получила щелчок по носу и сразу все на свое место стало. И добавил при этом, что так думают все в России. Я не знаю, действительно ли в России сейчас все так думают, как этот певец-танцор. Но кое-кто так думает. И нынешние события - еще одно подтверждение этому.

Не все, конечно, российские газеты выступили в таком стиле. В основном только те, у которых бюджет от этого зависит. Сейчас они почти в каждом своем номере нашего президента оскорбляют. Или скажу так (повторяя за Булгаковым): думают, что оскорбляют, называя его ковбоем. Возможно потому, что не знают, что это слово означает. Раньше они американских президентов за гольф ругали. Помните эти карикатуры? Президент американский с клюшкой, похожей на автомат, из кармана нож окровавленный торчит и нос, конечно, горбатый, еврейский. Давно это уже было. С тех пор уже вон, сколько времени прошло. Холодная война, говорят, уже закончилась. Но, наверное, ребята из русских газет про это еще не слышали. А может быть, у них своих внутренних проблем мало. Вот они на нас и набросились.

А мне вообще думается, что если бы я был редактором российской газеты, я бы к зарубежной тематике осторожно подходил. И если бы при мне кто-то начал обсуждать такие скользкие для России темы, как аварии на электростанциях, или о мудрости руководителей страны говорить, то я бы отошел в сторонку и скромно бы там помалкивал.

Возвращаюсь опять к тем дням. Что еще помнится?  
В субботу стали идти звонки из России.

- Живы? – это родственники жены спрашивают.

- Живы, – говорю.

- Ну как вы пережили катастрофу? – это уже мой друг из Москвы звонит.

- Вот, – говорю, – вчера в Нью-Йорк на работу не ездили. Без кондиционеров там не поработаешь.

Обижается друг.

- Совсем вы там зажрались, – говорит, – без кондиционеров уже жить не можете.

Рассказываю, что в Нью-Йорке воды кое-где не было целый день. Один мой нью-йоркский знакомый живет на 29-м этаже. Так на нижних этажах вода была, а у него – нет.

- А что же пили? – спрашивают из Москвы.

- Нет, с питьевой водой все было в порядке, – говорю я. – Помыться нельзя было.

Опять обижается друг мой.

- Если холодная вода была, то это не называется, что воды не было. А насчет того, чтобы помыться... один день потерпеть нельзя? У нас еще в июле горячую воду отключили. Я уже месяц не моюсь.

- Ну, ты хоть чешешься? – спрашиваю.

Смеется друг мой московский.

- Чешусь, – говорит. – Видел по телевизору, какая у вас там давка была на пароме.

Не стал я своему другу возражать. Много народу – это не обязательно давка. Не давку он видел, а толпу многотысячную. Давки, как таковой, не было. По крайней мере, когда я там был. Никто никого не давил.



И даже не толкал. Ко мне, например, никто и не прикасался. Ни сзади, ни спереди, ни слева, ни справа.

Да и вообще жители Нью-Йорка справились с исключительно трудной ситуацией легко и мужественно. Конечно, возможности у всех разные. Одному ничего не стоит на тридцатый этаж взбежать, а другому до третьего этажа надо с пятью остановками ползти. Не все пострадали в равной степени. Можно только посочувствовать тем, кто застрял в лифтах и, тем более, в сабвее. Но все-таки, в основной массе своей, все, как обычно, были спокойны и, я бы даже сказал, расслаблены. Без особого напряжения на лицах. Не такое, мол, видели.

Вечером и ночью, мои друзья рассказывали, народ на улицах мясо жарил. Группы всякие бродили с гитарами. А добровольцы на перекрестках так и стояли всю ночь. Теперь уже с фонариками. Полицейские отрапортовали, что арестов было в ночь на пятницу меньше, чем в обычный летний день.

А что это я, право, все про Нью-Йорк? А в других городах что? Разбойничал народ, что ли? Нет, конечно. Приятель мой из Мичигана рассказывает: тридцать шесть часов электричества не было. Но все было тихо и спокойно. За продукты вот только друг мой стал переживать. И даже начал было с женой все из холодильника выбрасывать. Но пес ихний им сказал на своем собачьем языке: не выбрасывай, мол, я все скушаю. И действительно, знаете, не обманул пес, скушал все подчистую.

Ну, это я так нарочно сказал - «скушал». Это я шучу, конечно. Хотя что правда, то правда - по-русски мы тут говорить совсем уже разучились. Английский

еще не все освоили, а русский очень дружно забывать стали. Вот и говорим на какой-то смеси ломаного английского и ломаного русского. Ну ничего, Нью-Йорк все спишет. У нас тут в наших лабораториях современной жизни чего только не услышишь. Справа от меня два голландца немецкий акцент демонстрируют. Слева итальянец. Давно его семья в Америку переехала. Но все равно. Как скажет что-то, хоть и легчайший, а чувствуется акцент итальянский. Спереди русский парень сидит. Самый жесткий акцент у него, и он об него спотыкается все время. А когда он по клавишам стучит и у него что-то там не получается, русскими словами себе помогает. Сзади китаец с индийцем сидят. К ним еще привыкнуть надо. До сих пор иногда переспрашиваю, что, мол, такое сказали? А рядом с ними – парень из Лондона. Вот этот – уж так наш родной американский язык коверкает, что смешно становится. И такое, знаете, бульканье идет со всех сторон. Ужас просто. Так что у кого там ломаный, а у кого неломаный язык, понять трудно. А я так думаю, что это не так уж и важно, ломаный у тебя язык или еще какой. Гораздо важнее, чтобы у тебя мозги неломаные были. Правильно я размышляю? Да конечно же правильно! Интересно, ребята из русских газет со мной согласны?